

Чи Фань помнил, как Фу Няньюй говорил ему, что всегда жил один, и, кроме него, сюда никто больше не приходил.

Но то, что он видел своими глазами, явно противоречило этим словам.

Однако он не собирался спрашивать об этом Фу Няньюя — это было его личное дело, и хотел ли он говорить или что-то скрывал, не было его, Чи Фаня, заботой. Его интерес к этому был вызван лишь чистым любопытством, лёгким недоумением и небольшой заботой о самом Фу Няньюе.

Звук дождя, стучащего по окну, казалось, усилился, и время от времени молния освещала небо. Чи Фань встал, чтобы закрыть шторы, и, потянув за ткань, почувствовал, как что-то упало. С лёгким стуком несколько красных предметов выкатились из угла подоконника. Наклонившись, он увидел, что это были бумажные розы.

Он нагнулся, отодвинул штору и увидел на подоконнике опрокинутую маленькую корзинку. Корзинка была небольшой, сплетённой из коричневых прутьев, а на дне лежали светло-зелёные обрезки бумаги. Внутри были разные бумажные цветы, в основном красные розы, с несколькими розовыми гвоздиками и жёлтыми маргаритками для разнообразия, конечно же, тоже сделанные из цветной бумаги.

Увидев эту корзинку, полную бумажных цветов, Чи Фань невольно улыбнулся — не потому, что удивился, как такая милая вещь оказалась в спальне Фу Няньюя, а потому, что вспомнил себя.

Раньше, чтобы помочь семье, каждый год на День святого Валентина старшая сестра покупала много цветной бумаги и заставляла его и среднюю сестру складывать бумажные розы. Сложенные розы в День святого Валентина продавались по пять юаней за штуку, но после этого дня они никому не были нужны, поэтому они даже прогуливали школу, чтобы продавать их парам на улице.

Позже старшая сестра вышла замуж и уехала, средняя сестра уехала учиться в другой город, но Чи Фань сам не бросил эту «традицию». Однако к тому времени он уже учился в старшей школе, и прогуливать уроки было не так просто, поэтому он обычно ждал окончания занятий, чтобы попытать счастья на ночном рынке.

Те прошлые дни были скорее тяжёлыми и мучительными, чем счастливыми, но, возможно, потому что он смог их пережить, теперь, вспоминая их, он мог улыбаться с ностальгией, как будто все те неприятные, навязчивые и неотвязные люди и события действительно остались в прошлом.

Чи Фань поднял упавшие бумажные розы и аккуратно вставил их обратно в корзинку. Он подержал корзинку в руках, посмотрел вокруг и увидел на книжной полке у правой тумбочки несколько белых листов бумаги. Он подошёл, взял один и сложил белую бумажную лилию, которую тоже вставил в корзинку.

Да, с таким дополнением всё выглядело намного гармоничнее.

Чи Фань закрыл шторы и поставил корзинку обратно в угол подоконника. Его пижама была немного короткой, и малейшее движение открывало поясницу и ноги. Сегодняшний дождь понизил температуру, и тепло после душа почти исчезло, оставив ощущение прохлады. Чи Фань вернулся на кровать, укрылся одеялом и, взяв с полки книгу, стал читать, облокотившись на подушки.

Фу Няньюй принимал душ довольно долго, и когда он вышел, Чи Фань взглянул на часы на стене — было уже почти половина одиннадцатого.

Войдя в спальню, Фу Няньюй сразу увидел Чи Фаня, лежащего на кровати и укрытого одеялом, и слегка удивился.

— Старший, ты собираешься спать или тебе холодно?

— Немного холодно. — Чи Фань положил книгу обратно на полку, одну руку спрятал под одеялом, а другой поманил Фу Няньюя. — Иди сюда.

Фу Няньюй остановился, вытирая волосы полотенцем:

— М-м?

— Хочу спросить кое-что. — сказал Чи Фань.

Фу Няньюй, не понимая, в чём дело, наклонился, и в этот момент лежащий на кровати человек резко сел, и его рука, лежащая поверх одеяла, точно легла на лоб юноши.

Фу Няньюй полностью замер, даже не обратив внимания на то, что полотенце соскользнуло с его плеча.

— Ну, вроде нормально. — Чи Фань кивнул, с облегчением снова лёг и спрятал обе руки под одеялом. — Температуры точно нет.

Ранее Фу Няньюй вёл себя слишком странно, и его рука была горячеей, поэтому Чи Фань подумал, не заболел ли он. Вспомнив, как он пытался проверить его лоб, но был остановлен, на этот раз он решил действовать нагло и устроил внезапную атаку.

Фу Няньюй опомнился лишь через несколько секунд. Он поднял почти упавшее на пол полотенце, продолжая вытирать мокрые волосы, и начал смеяться, глядя на Чи Фаня.

— Старший, ты как... как...

Чи Фань поднял бровь:

— Как что?

Фу Няньюй смеялся несколько секунд, его глаза сузились, как у кошки:

— Как ты такой милый?

— Я просто беспокоюсь, что ты слишком упрямый. — Чи Фань вздохнул, достал телефон из-под подушки и начал ставить будильник на утро. — В последнее время температура часто меняется, легко простудиться. Ты живёшь один, так что береги себя.

Судя по коробке с лапшой на кухне, Фу Няньюй явно не заботился о своём здоровье. Парни в его возрасте любят упрямиться, считая, что любые мелкие болезни можно перетерпеть. Чи Фань не хотел лезть не в своё дело, но он был обязан Фу Няньюю слишком многим и уже не мог считать себя просто репетитором, который приходит и уходит. В пределах своих возможностей он хотел дать Фу Няньюю больше заботы и внимания.

— Не переживай, я всегда был здоровым. — Фу Няньюй улыбнулся, бросил полотенце на стул и потёр руки. — Но сегодня действительно холоднее, чем обычно. Я возьму ещё одно одеяло.

Он повернулся к шкафу, порылся в нём и достал двуспальное одеяло, которое выиграл в лотерею в магазине. Упаковка была ещё не открыта, но сегодня оно нужно было лишь для дополнительного укрытия, так что ничего страшного.

Фу Няньюй взял одеяло и сделал несколько шагов к кровати, но, проходя мимо окна, вдруг остановился и резко повернулся к правому углу подоконника, замерши на месте.

Чи Фань, закончив ставить будильник, поднял глаза и увидел, что Фу Няньюй стоит, как вкопанный. Он замедлил движение, собираясь спрятать телефон под подушку.

— Что случилось? — спросил Чи Фань.

Фу Няньюй едва заметно вздрогнул, обернулся, посмотрел на Чи Фаня и с трудом улыбнулся.

— Ничего.

Он положил одеяло на кровать, и Чи Фань помог ему расстелить его. Когда Чи Фань снова лёг, Фу Няньюй не пошёл на кровать, а подошёл к подоконнику и взял корзинку.

— Старший, это ты сложил лилию? — Он достал бумажную лилию и спросил Чи Фаня.

— Ага. — Чи Фань кивнул. — Просто скучно было, вот и сложил. — Он вдруг понял, что его поступок мог быть немного навязчивым. — Что-то не так? Если не нравится, можешь убрать.

— Что ты, она красивая. — Фу Няньюй нежно провёл пальцами по лепесткам лилии, затем по её тонкому стеблю. — У тебя, старший, золотые руки. И резьбой по дереву занимаешься, и бумагу складываешь так искусно.

— Ну, не так уж и искусно. — Чи Фань смущённо улыбнулся. — Я умею складывать только несколько видов цветов, больше ничего.

— Почему именно лилия? — вдруг спросил Фу Няньюй.

— М-м?

— Почему ты сложил лилию... — Фу Няньюй не отрывал взгляда от бумажного цветка, его глаза были тёмными и невыразительными. — А не какой-то другой цветок?

— Просто так получилось, она хорошо смотрится в этой корзинке. — Чи Фань замолчал на мгновение. — И мне просто нравятся лилии, вот первое, что пришло в голову.

— Понятно... — тихо сказал Фу Няньюй, долго смотрел на бумажную лилию, а затем снова вставил её в корзинку.

***

Хотя обычно он ложился спать поздно, но, возможно, из-за того, что кровать была особенно удобной, или из-за дополнительного одеяла, которое создавало уют, Чи Фань заснул почти сразу после того, как выключили свет, едва успев обменяться с Фу Няньюем несколькими фразами.

Но Фу Няньюй не мог уснуть.

По логике, сейчас он лежал рядом с человеком, о котором мечтал, под одним одеялом, и не спать было нормально. Но он знал, что его бессонница была вызвана не этим.

Он открыл глаза, и, когда зрение привыкло к темноте, всё вокруг стало чётко видно.